

Мэрилин Робинсон

Мэрилин Робинсон

Галаад

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Серия «XXI век —The Best»

Marilynne Robinson

GILEAD

First published in the United States by Farrar, Straus and
Giroux

Перевод с английского *Е. Филипповой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Trident Media Group,
LLC and The Van Lear Agency LLC.

Робинсон, Мэрилин.

P58 Галаад: [роман] / Мэрилин Робинсон; [пер. с англ. Е. Филипповой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (XXI век —The Best).

ISBN 978-5-17-089847-3

На склоне лет священник Джон Эймс рассказывает историю рода, охватившую весь девятнадцатый и половину двадцатого века, своему семилетнему сыну — ребенку, который стоит у дверей в новый мир. Эймс понимает, что не увидит его взросления и не сможет поддержать, когда судьба начнет посылать ему испытания, но вера в то, что главное в этой жизни всегда неизменно, служит поддержкой ему самому. И с этой верой он пишет к сыну и рассказывает ему историю стойкости, любви и надежды, призванную дать мудрый совет, убеждение — и пожелать доброго пути.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Marilynne Robinson, 2004

© Перевод. Е. Филиппова, 2016

ISBN 978-5-17-089847-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Посвящается моим дорогим родителям —
Джону и Эллен Саммерс

Вчера вечером я сказал тебе, что, возможно, уйду через какое-то время, и ты спросил:

— Куда?

И я ответил:

— Я уйду к Господу.

И ты спросил:

— Почему?

И я сказал:

— Потому что я уже старый.

И ты возразил:

— Я думаю, ты не старый. — И, вложив свою руку в мою, добавил: — Ты не очень старый, — как будто это все объясняло.

Я сказал тебе, что, быть может, твоя жизнь будет сильно отличаться от моей и от той жизни, что мы прожили вместе, и это чудесно: есть много возможностей прожить жизнь хорошо.

А ты ответил:

— Мама уже говорила мне это. — А потом ты сказал: — Не смейся! — потому что думал, как будто я смеюсь над тобой. Ты потянулся ко мне и приложил

пальцы к моим губам и посмотрел на меня с таким выражением, которого я не видел ни на одном лице, кроме лица твоей матери. Некая разъяренная гордость, неистовая и безжалостная. Всякий раз я недоумеваю, как она своим испепеляющим взором не спалила мне брови. Мне будет не хватать этих взглядов.

Глупо подозревать, будто усопшим может чего-то не хватать. Если ты прочитаешь это письмо, будучи взрослым мужчиной, — а я надеюсь, так и случится, — к тому моменту меня не будет уже много лет. Я буду знать большую часть из того, что известно мертвым, но, скорее всего, оставлю эти сведения при себе. Похоже, именно так и должно быть.

Не знаю, сколько раз люди спрашивали меня, что такое смерть, иногда за час или два до того, как узнавали это сами. Даже когда я был молод, люди, которым было столько же лет, сколько мне сейчас, задавали вопросы, хватали меня за руку и буравили стариковскими глазами, покрытыми пеленой, как будто знали, что мне все известно, и собирались *заставить* меня рассказать правду. Раньше я говорил: это примерно то же самое, что вернуться домой. В этом мире у нас дома нет, говорил я, а потом отправлялся знакомой дорогой в свое жилище, готовил себе кофе, бутерброд с яичницей и слушал радио, когда оно только появилось, чаще всего в темноте. Помнишь этот дом? Думаю, помнишь, хотя бы немного. Мое детство прошло в домах приходских священников. Большую часть жизни я провел в этом доме, а в несметном числе других подобных жилищ побывал в качестве гостя: друзья моего отца и многие родственники тоже жили при церкви. И, когда я задумывался об этом в те годы,

а это случалось нечасто, мне казалось, что это худший дом из всех — самый унылый и открытый всем ветрам. Что ж, так я тогда думал. Это замечательный старый дом, но в те времена я сидел тут совсем один. И потому дом казался мне чужим. Я не знал, каково мое место в мире, и чувствовал себя неудобно. Теперь все иначе.

Но теперь мне говорят, что сердце у меня сдает. Врач поставил диагноз *angina pectoris*, или стенокардия, звучит как теологический термин, наподобие «мизерокардии»*. Что ж, в мои годы это неудивительно. Мой отец умер в почтенном возрасте, а вот его сестры прожили недолгую жизнь. Так что я должен испытывать чувство благодарности. Еще мне действительно жаль, что я почти ничего не могу оставить тебе и твоей матери. Лишь пару старых книг, которые больше никому не нужны. Я не имел заработков, которыми стоило бы гордиться, и никогда не обращал внимания на деньги, которые оказывались в моем распоряжении. Меньше всего я думал о том, что у меня останутся жена и ребенок, поверь. Я был бы лучшим отцом, если бы знал. Я бы что-то припас для вас.

Это самое главное, о чем я хочу сказать: мне очень жаль, что тебе и твоей матери, как я знаю, пришлось пережить тяжелые времена без достойной поддержки с моей стороны, если не считать молитв — я ведь все время молюсь. Я делал это, пока жил, и продолжаю делать и сейчас, если это возможно в следующей жизни.

* Мизерокардия (от лат. *misericordia*) — «милосердие». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Я слышу, как ты разговариваешь с матерью: ты спрашиваешь — она отвечает. Я слышу не слова, а лишь звук ваших голосов. Ты не любишь ложиться спать, и каждый вечер ей приходится в очередной раз уговаривать тебя отойти ко сну. Я никогда не слышу, как она поет, только по вечерам, когда она баюкает тебя в соседней комнате. И даже тогда я не могу разобрать, какую песню она поет. Она поет очень тихо. Мне кажется, у нее прекрасно получается, но когда я говорю ей об этом, она смеется.

На самом деле я больше не могу судить, что прекрасно, а что — нет. На днях на улице я прошел мимо двух молодых людей. Я знаю, кто они, — оба работают в гараже. Они не ходят в церковь, ни тот, ни другой, — приличные, хотя и не самые честные, молодые парни, которые жить не могут без шуток. И вот они стояли, опершись на стену гаража, в солнечном свете и покуривали. Они всегда такие черные от машинного масла и так пропитаны бензином, что я поражаюсь, как они сами не загораются. Они отпустили шуточки, как обычно, и заходились недобрым смехом. И я увидел в этом красоту. Изумительно наблюдать за тем, как люди смеются, всецело отдаваясь этому процессу. Иногда им действительно тяжело побороть порыв разразиться хохотом. Я довольно часто наблюдаю такое явление в церкви. Поэтому мне интересно, что это такое и откуда берется, и еще мне интересно, что именно смех изгоняет из тела, ведь ты не можешь остановиться, пока не закончишь. В некотором роде, я полагаю, это сродни потребности выплакаться, только смех люди растрачивают с большей легкостью.

Завидев меня, они, разумеется, перестали шутить, но я видел, что про себя они продолжают смеяться, задаваясь вопросом, что долетело до ушей старого проповедника.

Мне так хотелось сказать им, что я тоже могу оценить хорошую шутку, как любой другой. В жизни меня много раз посещало желание сказать это. Но люди не готовы с этим мириться. Они хотят, чтобы ты держался в стороне. Мне хотелось сказать: «Я уже умираю, и у меня осталось не так много возможностей посмеяться, по крайней мере в этом мире». Но, услышав такое, они приняли бы серьезный вид и стали бы вести себя с подчеркнутой вежливостью, я полагаю. Я буду молчать о своей болезни, сколько смогу. Для умирающего я чувствую себя неплохо и благодарен за это Господу. Разумеется, твоя мать обо всем знает. Она сказала, если я хорошо себя чувствую, быть может, врач ошибается. Но, когда человек находится в таком возрасте, как я, доктор вряд ли может сильно ошибаться.

Вот что самое странное в жизни священника. Люди меняют тему разговора, когда видят, что ты приближаешься. А иногда те же самые люди приходят к тебе и рассказывают самые удивительные истории. Очень многое скрыто под фасадом, и все знают об этом. Бездна зла, и ужаса, и вины, и одиночества — все это там, где ты точно не рассчитывал их найти.

Отец моей матери был проповедником, отец моего отца — тоже, как и его отец, а до этого — кто его знает... Но догадаться можно без труда. Проповедничество было для них второй натурой, как и для меня.

Все они были хорошими людьми, но если мне и стоило перенять у них одно умение, которым я так и не овладел, то это способность держать себя в руках. Это мудрость, которую я должен был постичь много лет назад. Даже сейчас, когда учащенный пульс навевает мне мысли о вечном, я выхожу из себя, если застрял ящик в шкафу или я положил очки не на то место. Я рассказываю тебе об этом, для того чтобы ты не допускал развития такой дурной привычки.

Неистовый гнев, который проявляется слишком часто или в неподходящий момент, может разрушить гораздо больше, чем ты представляешь. И наибольшее внимание уделяй тому, что говоришь. «Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает: и язык — огонь, прикраса неправды»*, — вот в чем истина. Когда мой отец состарился, он написал об этом в письме, которое отправил мне. И, как у меня случилось, я его сжег. Бросил письмо его прямо в камин. И тогда мой поступок удивил меня намного больше, чем удивляет сейчас, когда я вспоминаю об этом.

Полагаю, самое время провести эксперимент над откровенностью. Теперь я говорю все это с должным уважением. Мой отец был из тех людей, которые, как он сам говорил, живут по принципам. Во всех поступках он старался оставаться верным истине, как он ее понимал. Но что-то в манере его повествования об этом предмете разочаровывало и, должен признаться, не только меня. Я говорю это, несмотря на все то внимание и время, которые он посвятил моему воспи-

* Послание ап. Иакова, 3:5, 6.

танию. За это я навеки в долгу перед ним, хотя он сам мог бы с этим поспорить. Упокой Господь его душу, ибо я точно знаю, что разочаровал его. Удивительно размышлять об этом. Мы желали друг другу только добра.

Что ж, «слухом услышите, и не уразумеете: и глазами смотреть будете, и не увидите»*, как учит нас Господь. Я не могу утверждать, что постиг смысл этих слов, хотя не счесть, сколько раз их слышал и ссылался на них в проповедях. Это всего лишь заявление о глубоко загадочном факте. Можно знать что-то о смерти и оставаться во всех отношениях невежественным в этом предмете. Человек может знать собственного отца или сына, но их не будет связывать ничего, кроме верности, любви и взаимного непонимания.

Я упомянул об этом лишь для того, чтобы сказать: люди, которые испытывают некое сожаление по отношению к тебе, будут думать, что ты злишься, и различат гнев в том, что ты делаешь, даже если ты спокойно живешь по своему усмотрению. Они заставят тебя сомневаться в себе, что, в зависимости от тяжести ситуации, может привести к серьезному помрачению рассудка и потере времени. Жаль, я не понял этого раньше. Даже вспоминая об этом, я чувствую, как прихожу в ярость. Раздражение — форма гнева, я это признаю.

Одно из великих преимуществ, которые дает служение Богу, состоит в том, что такое призвание учит тебя сосредотачиваться. Ты начинаешь различать, что действительно нужно сделать, а что можно спокойно

* Евангелие от Матфея, 13:14.

проигнорировать. Если я могу передать тебе хоть какую-то мудрость, то этот секрет — самый главный.

Ты благословляешь наш дом своим присутствием чуть меньше семи лет, и для меня это не самые здоровые годы, ведь моя жизнь клонится к закату. Когда ты появился, я уже не мог изменить привычный уклад, чтобы обеспечить вас обоих. И все равно я думаю об этом и молюсь. Я очень часто размышляю об этом. Хочу, чтобы ты это знал.

Выдалась прекрасная весна, и на дворе стоит очередной прекрасный день. Ты почти опоздал в школу. Мы поставили тебя на стул, и ты жевал тост с джемом, пока мама чистила тебе туфли, а я причесывал волосы. Тебе задали целую страницу примеров, которые ты должен был решить вчера вечером, а ты корпел над ними с утра в поиске верных вариантов ответа. Ты похож на мать — так же серьезно ко всему относишься. Старики прозвали тебя «дьякон», но эта серьезность передалась не по моей линии. Я никогда не видел ничего подобного, пока не повстречал твою маму. Впрочем, это справедливо, если не считать дедушку. Я не мог понять, что вижу перед собой — ярость или грусть, — и недоумевал, какое событие из жизни навеки отпечталось у нее в глазах. А потом, когда тебе было около трех лет — совсем еще кроха, — я как-то утром зашел в детскую. Ты сидел на полу в лучах солнечного света в пижамке с кнопками, пытаясь разобраться, как починить сломанный восковой мелок. И ты поднял на меня глаза и одарил тем же самым взглядом. Я много раз вспоминал это мгновение. Могу признаться: иногда мне казалось,

что ты смотрел сквозь саму жизнь, видя несчастья, от которых я молил Бога тебя уберечь, и просил меня любезно объяснить, что происходит.

«Ты совсем как они, все эти старики из Библии», — говорит мне твоя мама. Это было бы правдой, если бы я умудрился прожить сто двадцать лет и, быть может, обзавестись парочкой коров и быков, а также слуг и прислужниц. Отец оставил мне профессию, которая оказалась моим призванием. Но факт в том, что оно было моей второй натурой, я с ним вырос. А ты — навряд ли.

Я увидел, как мимо окна пролетел мыльный пузырь, пухлый и дрожащий, дозревший до цвета синей стрекозы, который пузыри принимают перед тем, как лопнуть. И я посмотрел вниз и увидел тебя и твою мать: вы пускали мыльные пузыри прямо в кошку, заполняя ими все вокруг, так что бедное создание было вне себя от восторга. Она просто кувыркалась в воздухе, наша беззаботная Соупи! Часть пузырей летала меж ветвей, другие поднимались над кронами деревьев. Вы оба были слишком заняты кошкой, чтобы заметить небесные последствия своих земных дел. Они были так прекрасны. На маме было синее платье, а на тебе — красная рубашка, и вы опускались на колени прямо на землю, а Соупи ютилась между вами, и вся эта сверкающая масса пузырей уносилась вверх, и повсюду звучал смех. Ах, эта жизнь, этот мир...

Мама сказала тебе, что я пишу твою родословную, и тебе, похоже, очень понравилась эта затея. Итак, что мне написать для тебя? Я, Джон Эймс, родился в 1880 году от Рождества Христова в штате Канзас.